

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЮНЬ 1993 ГОДА

Сюзанна

Я похоронила доченьку в самую короткую ночь в году. Со всех сторон нас окружали старые стены. Я положила ее на вечный покой в зарослях сирени и бузины. Я почти стала матерью, но этой мечте не суждено было сбыться. Она пришла на свет спустя всего лишь шестнадцать недель после зачатия. Родилась в самый длинный день в году, с перепонками между пальцев на ножках и ручках, нежными, словно шелк, венами и вытянутым, как у мартышки, личиком.

Боль застала меня врасплох. Когда она возникла, я стояла у ворот на Доулинг и кормила Огастаса кусочками сахара. Вдалеке слышались выстрелы. Митч Моран снова стрелял по тарелочкам. С улицы доносился шум машин, которые мчались по узкой дороге, гудками приветствуя окончание еще одного рабочего дня. Наступили сумерки, облака неслись по небу, словно потоки лавы, грачи громко каркали и кружили у меня над головой. Тогда я почувствовала это — знакомые спазмы в животе и покалывание в позвоночнике.

Я вышла за ворота, и сахар скрипел у меня под ногами, как ледяные сосульки. Сначала боль была слабая и быстро прошла. Казалось, она хотела заставить меня поверить, что я все выдумала. Я осторожно направилась назад к дому, надеясь, что еще есть время спасти ее. Но вечер пылал, все вокруг было охвачено огнем. Грачи разлетались и падали на землю, словно обуглившиеся кусочки бумаги. Даже вид цветов на изгороди

причинял страдания. Алыи дубровник и кроваво-красные маки покачнулись, когда я нагнулась над ними, обхватив руками живот и ожидая, пока боль утихнет и я снова смогу идти.

В доме я опустилась на колени и схватилась за край ванны. Спазмы накатывали, словно прибой, все сильнее и сильнее. Каждый из них говорил, что еще одной мечте пришел конец. Я подумала было позвонить Дэвиду, но прежде, чем я успею что-то сказать, он все поймет по моему прерывистому дыханию. Он был слишком далеко, чтобы облегчить мои страдания, а я не могла выдержать его разочарование, еще нет. Я хотела позвонить своему гинекологу, суровому мужчине, который был прекрасно знаком с женской анатомией, но не мог ответить на самый главный мой вопрос: почему? Он качал головой и вместо ответа извинялся и пытался меня успокоить. Потом я решила позвонить свекрови. Мириам практичная и добрая женщина. Она сразу же примчится и без лишних разговоров отвезет меня в больницу, потому что все уже давно сказано. Но я не сдвинулась с места. Я знала, что то, что должно было скоро случиться, произойдет быстро. Никакого ожидания, ложной надежды, времени на что-то, кроме мгновенного разделения между жизнью и потерей.

И снова тело предало меня. И снова оно бросило вызов моей воле и разрушило то, что мы с Дэвидом упорно создавали.

Мириам всегда утверждала, что тело и разум, дух и плоть — это единое, неразделимое целое. Все неверно, неверно. Тело каждый раз одерживает верх, а я остаюсь у разбитого корыта.

Маленькой даже не пришлось бороться. Она выскользнула без лишних усилий. Помню, как я выла. Я чувствовала, что нужно оплакать эту утрату. Хорошо, что я была одна, а не в больнице, где пришлось бы учитывать чувства окружающих. Когда я не могла больше плакать, а такой момент наступает всегда, я совершила обряд разъединения. Теперь мне это уже не в новинку. Обычно этим занимаются опытные акушерки с добрыми лицами, которые видят не ее, а других матерей, у которых есть повод радоваться жизни.

Я завернула доченьку в мягкое белое полотенце и принялась качать ее на руках. Я оперлась спиной о стену. На улице стемнело. Сначала мне было жарко, потом стало холодно, мысли начали путаться. Зачем бороться? В конце концов кто-нибудь нас найдет.

Я не обратила внимания на звонок телефона. Но он не унимался. Звонок заставил меня вздрогнуть, но я не двинулась с места. Когда он замолк, тишина буквально навалилась на меня. Я услышала другие звуки: поскрипывание старого дерева, шипение и журчание в трубах, протяжные вздохи ветхого дома, который повидал на своем веку много поколений. Ставень в ванной комнате ударился об оконную раму. Надо было пойти посмотреть, что там. Мне хотелось встать и закрыть окно, не пускать в дом запах ночных цветов, которые я посадила весной. Он парил в спертом воздухе, распространяясь волнами по всему дому, — сладкий до приторности и словно претендующий на мое внимание.

Снова зазвонил телефон. Мне стало страшно. Если это Мириам, то она может приехать, чтобы посмотреть, почему я не беру трубку. Накануне мы распрощались в студии, где она оставалась допоздна. Должно быть, она все еще работала, как обычно бывало, когда приближалась выставка. Если это звонил с буровой Дэвид, то он позвонит матери и результат будет тем же. Она тут же примчится, чтобы убедиться, что все в порядке. Задняя дверь не заперта. Она войдет незамеченной, а потом будет уже слишком поздно.

Я с трудом поднялась на ноги и положила ребенка, неподвижный и безмолвный сверток, на пол. Я открыла дверь в гостиную и задела бедром буфет. Желтые розы задрожали в вазе. Некоторые лепестки уже успели осыпаться, другие теперь последовали за ними на полированную поверхность деревянного буфета, словно мое тяжелое дыхание разрушило их хрупкую связь со стеблем. Сколько я была в отключке? Несколько минут? Часов? Где-то в глубинах сознания я все еще нагибалась над кроваво-красными маками, а над головой кружили грачи.

Мои подозрения оправдались. Мириам пыталась скрыть волнение — оно сквозило в ее голосе, — но ей это удавалось с трудом. Она спросила, как у меня дела. Я ответила, что у меня все хорошо... хорошо. Голос был ровным. Это удивило меня. Ровным и спокойным, в то время как я готова была выть волком.

Она сказала, что звонит уже второй раз, и сделала паузу, ожидая объяснений.

Я ответила, что ходила погулять в такой чудесный, теплый вечер. Она предупредила меня, что на дорожке может быть небезопасно, что я могу споткнуться о ветку или поскользнуться на гниющих листьях. Она, как и Дэвид, знает каждый сантиметр этой дорожки. Другое дело я — городская женщина.

Она сказала, что заедет ко мне по дороге домой. Она хотела показать новые эскизы.

Я чуть не выпалила всю правду. Но потом вспомнила прошлый раз и предыдущие разы, когда она говорила кучу банальностей, которые, когда она их повторяла, звучали все менее и менее забавно. Завтра, когда мне станет лучше, когда я смогу совладать с горем, я расскажу им последние новости.

Я сказала, что иду спать, а на эскизы посмотрю завтра. Тогда и поговорим.

Я подошла к входной двери. Лампочка над головой хорошо меня освещала, но дальше, за крыльцом, начиналась непроходимая тьма, окутывавшая Буррен¹. Я стояла там, и мне казалось, что ночь что-то нашептывает мне на ухо, что ветер чувствует мою боль. В шорохе листьев у стены я слышала шепот, который вдруг стал громче воя, доносившегося из темноты. Собака Филлис Лайонс лаяла на луну, но потом замолчала, причем так же внезапно, как и начала. А шепот не умолкал.

Я чувствовала, что начинаю подпевать тихой песне ночи, начинаю произносить вслух: *«Больше никогда... больше никогда... больше никогда...»*

---

¹ Буррен (ирл. *Voireann* — каменистое место) — местность на западе Ирландии. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Что означает слово «предумышленный»? Это продуманный план или некая мысль, которая появляется в самый последний момент? Я завернула ребенка в белое одеяло и запечатала в пластиковый саван. Потом отнесла его в старый дом, который стоял неподалеку. Это были частично освещенные фонарем руины, увитые плющом и шиповником, окруженные зарослями крапивы. Когда-то среди этих обсыпавшихся стен играли дети, а потом спали под соломенной крышей, надежно защищающей их от непогоды. Это было очень давно — и дети, и соломенная крыша. Спотыкаясь, я прошла по каменным плитам, покрытым травой и чертополохом, который пробивался сквозь трещины в полу. Я положила ее на заросли вьюнка и вырыла могилу возле стены. Сад был запущенный. Низкая каменная стена обозначала его границы. Летом здесь буйно разрасталась сирень и давно забытая слива роняла на землю спелые плоды.

Я хотела дать ей имя. Каждому человеку нужно имя, чтобы оставить свой след на земле, вне зависимости от того, как долго он на ней продержится.

— Джой¹, — прошептала я.

Она могла бы принести нам столько радости! Мое тело болело, кровоточило, страдало из-за того, что оно потеряло, но, когда я ушла оттуда, мой разум был исполнен холодной, решительной силы, в которой не осталось места для горя или сомнений.

В коридоре я задержалась перед зеркалом. Полнота, которую я набрала во время беременности, казалось, сошла с моих щек. Глаза были стального голубоватого оттенка. Это были глаза незнакомки, глядевшие на меня из-под припухших век то ли вопросительно, то ли с отвращением. Мои светлые волосы, покрытые потом и грязью, казались темными. Меня было невозможно отличить от женщины, которая раньше прошла по этой дорожке, но я без усилий сбросила старую оболочку и вступила в новую.

---

¹ Joy (англ.) — радость, счастье.

Я спала, просыпалась и снова засыпала. Я не помню снов. Звезды начали меркнуть на востоке. Я пошла в душ, чтобы смыть с себя грязь. Сожгла одежду, полотенца и коврик в ванной. Помыла пол и стены. Выбросила желтые розы. Какая-то птица за окном кухни начала пронзительно чирикать, другие подхватили ее песню. Так прошло утро.

Я позвонила Мириам и сказала, что несколько дней поработаю дома. В офисе я не могу сосредоточиться, а мне надо подготовить таблицы и сделать несколько звонков.

Потом с буровой позвонил Дэвид. Я сказала ему, что наш ребенок зашевелился. Словно бабочка, чьи крылышки трепетали под моим сердцем.

Слова превратились в пепел у меня во рту, но я их произнесла. В ответ я услышала вздох, словно он положил ладони на мой живот и почувствовал движение ребенка.

Повсюду, в трещинах и расщелинах этих стен, в уголках и закоулках старого дома, после всего, что произошло с тех пор, как я переехала сюда, голоса шептали: *«Больше никогда... больше никогда... больше никогда...»*

ГЛАВА ВТОРАЯ

СЕНТЯБРЬ 1993 ГОДА

Карла Келли повсюду. Она лицо линии модной одежды для будущих мам «Ожидание». Я вижу ее на рекламных щитах и навесах на автобусных остановках, в гляцевых журналах. Белые зубы, пухлые розовые губы, длинные светлые волосы и это выражение карих глаз, полное янтарного удовлетворения. Просто настоящая матушка-земля с присущей ей манерой поведения и очарованием.

Сейчас, если разговор заходит о беременности, первым делом берут интервью именно у нее. Она ведет колонку в газете «Уикли Флэр», которая называется «Дневник моей беременности»: как оставаться сексуальной и не потерять чувство